

Анна Осокина

Анна Осокина

Под знаком снежной совы

<https://litres.ru/74206369>

Аннотация

КНИГА ВЫШЛА НА БУМАГЕ! Изд. ЭКСМО Freedom

По вине заклатья, что издавна терзает мой род, я лишилась всех близких. Кто убил моего последнего родственника и оставил меня круглой сиротой? Кто преследует по пятам наяву и во сне? Я единственная наследница огромного состояния, сотен душ крепостных и целой сахарной фабрики, но это не помогает добиться правды, потому что мне никто не верит. Чтобы найти ответы, пора начинать свое расследование, даже если оно грозит неприятностями.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	42
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

На новом месте я спала очень чутко. Все еще не могла привыкнуть, что нахожусь не в своем доме, не в своей комнате и, казалось, вообще не в своей жизни. Поэтому, когда лица коснулась ночная прохлада, мгновенно проснулась. Кто-то распахнул окно, хотя я отчетливо помнила, что на ночь его наглухо закрыли — стоял самый конец августа, и погода накануне вечером выдалась сырая и холодная.

Внимание привлек шорох. Я прислушалась с все еще закрытыми глазами. Сердце забилося быстрее. Тихие шаги. Посторонний? Или кто-то из девочек вставал по нужде, а теперь возвращается в кровать?

Распахнула веки и смотрела в темную пустоту потолка, боясь шевелиться и даже дышать, чтобы не выдать того, что бодрствую. Кожа покрылась колючими мурашками. Рука осторожно поползла под подушку, где был припрятан нож. Чего только стоило незаметно стащить его под бдительным взглядом нашей кухарки тетки Сары. Неужели я оказалась права? Или это снова игра богатого воображения, как пытались убедить меня все вокруг?

Краем глаза уловила быстрое движение слева от кровати и темный силуэт, но сделать ничего не успела: лицо резко накрыли чем-то мягким. В нос ударил запах залежалых перьев. От неожиданности я заорала, но сразу пожалела об этом, по-

тому что подушка на лице заглушила крик, весь воздух закончился, а новый вдох сделать не получалось.

Меня охватила удушающая животная паника. Я попыталась вскочить, брыкаться, но без толку. Чье-то слишком тяжелое тело оседлало меня прямо поверх одеяла, продолжая давить руками через подушку так, что нос просто не мог остаться целым. Спустя вечность моя рука наконец коснулась холодного металла. Острая боль от глубоко вонзившегося в ладонь лезвия на миг затмила даже ужас от невозможности сделать вдох. Но время было на исходе. Еще немного — и я провалюсь в холодное ничто.

Усердно перебирая пальцами, чувствовала, как они скользят из-за крови. Да! Я все-таки смогла добраться до рукоятки и, уже не обращая внимания на боль, молниеносно выбросила руку вперед. Нож наткнулся на какое-то препятствие — в ту же секунду послышался тихий мужской вскрик и грубые ругательства. Давление ослабло. Захлебываясь, я сделала глубокий болезненный вдох и закашлялась.

Убийца слетел с меня. Глухой удар об пол свидетельствовал о том, что не слишком удачно. Я подскочила с кровати, чуть не запутавшись в одеяле, сдергивая простыню, и что есть мочи закричала. Громко. Высоко. Визгливо. Как может кричать только запуганная до полусмерти девятнадцатилетняя девушка, впервые столкнувшаяся с грубой физической силой, направленной против нее. Ночной гость, спотыкаясь и зажимая рукой лицо, шатаясь, подскочил к распахнутому

настежь окну и скрылся в непроглядной темноте ночи.

От этого душераздирающего крика я будто сама очнулась. Другие девочки повскакивали со своих мест и спросонья смотрели на меня со смесью страха и удивления. Светильников нам не выдавали, поэтому я обводила взглядом лица в бледном лунном свете. На долгие несколько минут мы все застыли каменными статуями, будто ждали чего-то.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился сторож — пан Якуб. Старик подслеповато шурился, пытаясь понять, что произошло.

— У вас кричали? — встревоженно пробасил он и выше поднял светильник, который держал в руке, тем самым во всей красе явив окружающим неприглядную и пугающую картину.

В звенящей тишине из моих ослабевших вдруг пальцев выпал нож и оглушающе громко звякнул об пол. Никто не шевелился. Тихо было настолько, что я слышала, как капает кровь из глубокого пореза на ладони и собирается небольшой лужицей у ног. Коса растрепалась, и мои волосы торчали во все стороны. Порядком помятый, но вроде бы не сломанный нос сильно саднил. По щекам от пережитого беззвучно катились слезы.

— Матерь божья, что с тобой случилось, голубушка? — перекрестился он, подходя ближе.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое,

да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, — слышались вокруг тихие девичьи голоса.

Читать молитву перед каждым приемом пищи было обязательным ритуалом пансионата. Мой дед никогда не отличался большой религиозностью, и я, воспитанная им с малых лет, также не относила себя к истовым православным. Однако эти слова знала наизусть. Они слетали с губ сами, для этого не нужно думать. Мысли сейчас находились за десятки верст отсюда.

Стоя с опущенной головой, я не сразу заметила, как в столовую вошла директриса – Наталья Федоровна. Находясь здесь всего несколько дней, я уже успела понять, насколько у этой высокой и плотной черноволосой женщины стальной характер и как она держит в ежовых рукавицах не только воспитанниц, но и весь персонал.

— Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...

Она терпеливо ждала, пока девицы в возрасте от семнадцати лет до двадцати одного года, коих здесь было несколько дюжин, закончат молитву. Я ощущала на себе ее взгляд и не могла отделаться от мысли, что предстоит серьезный разговор. Сцепила в замок пальцы, почувствовав резкую боль в потревоженной ладони. Спустя несколько часов кровь все еще слегка проступала сквозь повязку. После обеда придется снова ее менять.

— ...и не введи нас во искушение, но избави нас от лука-

ваго. Яко Твое есть Царство и сила, и слава во веки. Аминь.

Последнее слово было сказано чуть громче остальных и разлетелось по столовой с дружным вздохом. Я посмотрела на приближающуюся к моему месту директрису. Чутье не подвело: она действительно пришла по мою душу. Хотя не трудно догадаться, ведь ночью из-за меня поднялся такой переполох, что никто уже не смог спать.

— Августа, — она так смотрела пронзительными черными глазами, что хотелось провалиться сквозь землю, — как закончите трапезу, я ожидаю вас в своем кабинете. Не задерживайтесь, пожалуйста.

Я не могла понять, какие эмоции эта женщина сейчас испытывает. Злится на меня? Раздражена? Или ей вообще все равно? Тон был ровным и даже мягким, но я чувствовала, что это просто маскировка. Не стала строить из себя юродивую, притворяясь, будто не понимаю, о чем речь, и лишь согласно опустила голову.

Пожелав всем приятного аппетита, Наталья Федоровна покинула столовую. А я села и уставилась в тарелку с еще дымящимися ароматными щами. Помешала капусту, несколько раз подняла ложку, глядя, как с нее обратно в тарелку стекает бульон. Нет, не могу.

Разломала на две части кусок хлеба, что лежал рядом на белоснежной выглаженной салфетке, и стала пальцами разламывать на более мелкие кусочки, понемногу отправляя в рот. Есть не хотелось. Сказать по правде, я нормально не ела

с самого дня смерти деда.

Кое-как осилив половину ломтика, отнесла нетронутое к специальному окну, где мы оставляли грязную посуду, порадовавшись, что не увидела в нем голову тетки Сары. Она-то уже знала про нож. Как теперь смотреть ей в глаза?

Как назло, выходя из помещения, нос к носу с ней и столкнулась, чуть не сбив. Хотя при настоящем столкновении, боюсь, я отлетела бы, даже не колыхнув эту дородную женщину с грузными бедрами.

— Простите, — я опустила глаза в пол, пытаюсь при этом боком протиснуться в дверь. Но Сара не собиралась так просто отпускать нарушительницу. Она скрестила руки на груди и буравила меня взглядом.

— За что именно вы просите прощения? — поджала губы кухарка.

Я буквально ощущала спиной, как в меня воткнулись взгляды других девушек. Наверное, они все считают меня ненормальной. Никто не видел загадочного ночного гостя, он не оставил после себя ни единого следа. А соседки по комнате проснулись уже после того, как неудавшийся убийца скрылся. Все снова указывало на не в меру разыгравшееся воображение нервной девицы.

— За... за все, — выдавила из себя, понимая, что, если промолчу, она отсюда меня не выпустит.

Тетка Сара закатила глаза и цыкнула.

— Идите уж. И помните впредь, что кухонную утварь

нельзя уносить в свои комнаты.

— Я поняла.

Боже милостивый, почему я должна оправдываться за какой-то дурацкий нож? Который, впрочем, спас мне жизнь. Что еще оставалось делать, если мне никто не верит?

Пансионат, куда меня отправил губернатор после смерти единственного родственника, был небольшим, но считался престижным. Только для благородных девиц. И хотя в Ракове, как и во всем Северо-Западном крае необъятной Российской Империи, большинство населения все еще исповедовало католицизм, учебное заведение, где мне предстояло провести ближайшие два года до совершеннолетия, оставалось таким оплотом православия.

Я немного успела понять за те несколько дней, что провела здесь – пребывала не в том состоянии, чтобы слушать досужие сплетни. Однако абсолютно все знали, что наша директриса не из местных. Приехала не то из-под Москвы, не то откуда-то еще... Очень уж сладкие условия создавал император Павел Петрович для русских дворян и помещиков, решивших переехать сюда. По правде говоря, мой дед и сам из приезжих. Но перебрался в Минскую губернию почти сразу после раздела Речи Посполитой еще при императрице Екатерине Великой. Тогда у него на руках уже осталась четырехлетняя внучка. Но я совершенно не помню ни путешествия, ни того, что происходило до него.

Всю сознательную жизнь я считала своим домом Минск. Наш небольшой каменный особняк в самом городе, который всегда был моей крепостью. И фольварк[1], где располагилась фабрика по производству сахара. Большая часть из тех пятисот десятин земли, принадлежавших нашей семье, засеивалась свеклой. А теперь... Что будет с фольварком, пока я нахожусь вдали от него?

Могла ли я управлять им? Да! Дед отлично меня обучил. Однако наш губернатор считал по-другому. До своего двадцати одного года — или пока не выйду замуж — я не имела права не только вмешиваться в финансовые дела поместья, но, как оказалось, и жить в нем! Естественно, все только для моего же благополучия. Дескать, негоже несовершеннолетней незамужней девице жить одной.

Это больно вдвойне: потерять не только горячо любимого деда, но и дом... Всех тех, кто окружал меня. Пусть кто-то скажет, что это всего лишь крепостные, но для меня они были семьей. Моя няня Агафья, тетка Марья, наша кухарка, дед Прохор... Рабочие на фабрике. Я знала каждого из ста сорока трех душ, которыми теперь владела единолично. И все же не могла быть там. Справится ли управляющий, которого назначил губернатор в мое отсутствие? Не погубит ли производство, такими стараниями поднятое дедом?

Я сжала кулаки. Направляясь к директрисе, вспомнила недавний разговор с губернатором. На глаза навернулись слезы. Всегда такой обходительный на приемах, которые

иногда устраивал мой дед, этот человек не хотел меня слушать! Дедушку убили не дикие животные, как звучало в официальной версии. Он чувствовал себя в лесу как дома! В какой-то степени лес и был для него вторым домом. Нет, ни волки, ни медведи не сотворили бы с ним такое. Это сделали люди!

Его хоронили в закрытом гробу и даже не дали попрощаться. Я не видела, что с ним стало. Но догадывалась. Поэтому сама не рвалась открыть крышку. Уж лучше я запомню его высоким, седым, но еще вовсе не старым мужчиной с коньячного цвета внимательными глазами, чем искалеченным мертвым телом. Его видела моя няня. Ее состояния после того мне хватило, чтобы сделать два вывода. Первый: не нужно на это смотреть. Второй: деда убили намеренно.

Я уже подходила к кабинету, когда увидела, что дверь открыта.

— Страшная смерть, — донесся смутно знакомый мужской голос. Я замерла, пытаюсь припомнить, откуда его знаю.

— Следователь сообщил, что его убили хищные звери, — сказала директриса.

— Видите ли, Наталья Федоровна, я мог бы сказать о том же, если бы не его руки...

— А что с ними? — перебила женщина.

Мужчина несколько секунд молчал, будто собирался с мыслями.

— Это скорее какая-то невероятно быстро прогрессирую-

щая болезнь, хотя я за десятки лет практики с такой не сталкивался.

И тут я поняла, кто находится прямо за стеной: доктор Йозеф Соломонович Раппопорт, давний приятель моего деда. Когда-то давно он был частым гостем в нашем доме. А потом уехал работать за границу. Выходит, вернулся. И даже утверждает, что видел тело деда. Странно. Не заметила доктора на похоронах. Хотя немудрено: я пребывала в таком состоянии, что едва ли обратила бы внимание даже на пушечный выстрел. Внезапная смерть деда выбила почву у меня из-под ног... Я была потеряна и совершенно не понимала, как теперь жить дальше.

— Но ведь его нашли в лесу, — не унималась директриса.

— Так-то оно так. Да только умер он не от этого. Звери или завершили начатое, или добрались до Петра Дмитрича, когда он уже был мертв. И я склоняюсь ко второму варианту.

Я не выдержала и без стука ворвалась в кабинет.

— Значит, я была права! — голос сорвался. — Его убили!

Наталья Федоровна сидела за столом, напротив устроился Йозеф Соломонович. Они уставились на меня с совершенно одинаковыми выражениями лиц, будто вовсе не ожидали здесь увидеть. И ладно бы я действительно заявила без спроса, но ведь директриса сама меня позвала.

— Августа, вас разве не учили тому, что подслушивать — это очень дурной тон? — жестко спросила та.

— Прошу прощения, Наталья Федоровна, но сейчас не до

хороших манер. Кто-то пытался убить меня этой ночью!

Женщина выразительно посмотрела на доктора, мол, я же говорила.

— Августа, поймите, — она снова обратилась ко мне, но на этот раз более мягким тоном, — вам это просто приснилось! Если бы загадочный убийца существовал на самом деле, его видел бы хоть кто-то. Ни одна из соседок не смогла подтвердить ваши слова о том, что в комнате находился посторонний.

— Потому что они все крепко спали и проснулись только после моего крика! А если бы не нож, я вообще с вами здесь не разговаривала бы! Или вы хотите сказать, что я специально себя порезала?! — я выставила вперед пораненную руку.

Директриса молчала, снова взглядом обратившись за помощью к доктору. Тот встал, поставил внушительных размеров кожаную сумку на стол, раскрыл ее и начал извлекать оттуда какие-то бутылочки, перевязочную ткань и корпию[2]. Мы с директрисой так и застыли, не совсем понимая, что происходит. Тем временем Йозеф Соломонович оставил сумку, подошел ко мне, мягко взял под больную руку и усадил в кресло рядом со своим. Присел сам, обработал руки какой-то остро пахнущей жидкостью и уверенными движениями принялся разматывать пропитавшуюся кровью повязку.

— Во-первых, хочу, чтобы ты успокоилась. Понимаю, что события последних дней крайне неблагоприятно сказывают-

ся на состоянии твоего душевного здоровья. Кому угодно было бы тяжело... — начал доктор, но я не дала ему договорить.

— Вы считаете меня душевнобольной?

— Августа, не нужно додумывать за меня то, чего я не говорил, — доктор попытался изобразить на лице улыбку. — Лишь хочу сказать, что из-за потрясения тебе могло все только присниться.

Я сжала челюсти и замотала головой. А он продолжил:

— Пойми, твоего деда убили не люди, а какая-то загадочная болезнь, я уверен. Об этом говорит состояние его внутренних органов.

Пресвятая Богородица, как же хотелось в этот момент выложить все, о чем знаю! Чтобы он поверил мне, чтобы не смотрел так снисходительно. Все, что угодно, только не эта жалость в глазах. Но тогда моя тайна будет раскрыта, а подобного допустить нельзя.

— Это... вы проводили... некропсию?

Врач на секунду остановился и внимательно взглянул в глаза. Меня всегда интересовала медицина, поэтому, прочитав множество справочников в семейной библиотеке, я могла похвастаться знанием некоторых терминов. И все же сейчас было не до того, слова сами вылетели из уст.

— Не я, но мне удалось попристутствовать во время нее, — покачал головой он и посмотрел на директрису. — Наталья Федоровна, голубушка, распахните шторы, мне мало света.

Она без лишних слов повиновалась. В кабинет проникли яркие, но уже не обжигающие лучи, какие только могут быть в самые последние дни лета.

— Порез очень глубокий, придется наложить швы, — заключил доктор еще через полминуты осмотра. — Держи, — он протянул мне маленький стеклянный пузырек, — выпей.

— Что это? — напряглась я.

— Настойка опиума.

Я принимала опиум всего раз в жизни, когда у меня безумно разболелся зуб. И прекрасно помнила, в каком состоянии находилась после: сознание затуманено, тело слушается плохо. Нет, я не могу себе такого позволить. Сейчас нужна ясная голова.

— Не стоит, — мягко оттолкнула его руку с пузырьком. — Зашивайте так.

В кабинете на несколько секунд повисло недоуменное молчание.

— Зачем терпеть такую боль? — изумился Йозеф Соломонович.

— Так нужно, доктор. Я выдержу.

— Августа, вы поступаете очень неразумно, — вмешалась директриса.

По ее выражению лица я поняла, что она хотела выразить свои мысли гораздо более грубыми словами, но не могла себе такого позволить. Хорошие манеры были у этой женщины в крови. Не зря же она стала управлять одним из самых

престижных заведений Северо-Западных губерний. И плату за обучение, хочу заметить, брала соответствующую.

Я с серьезным видом наблюдала за тем, как врач достает иглу и нитки.

— Не бывает настолько реалистичных снов, — сделала еще одну попытку достучаться до него. — Это было наяву.

Он посмотрел на меня внимательно, накрыл своей теплой ладонью мою здоровую кисть и, глядя в глаза, промолвил:

— К сожалению, девочка, бывает. Расскажи мне, как все произошло?

— Вы все равно не поверите!

— Прошу, сделай это для старого доброго дядюшки Йо-зефа.

Его улыбка казалась столь добродушной, что я не смогла перед ней устоять и рассказала обо всем произошедшем накануне.

— Ты знакома с понятием лунатизма? — осторожно спросил он.

Я шире распахнула глаза.

— Да, читала об этом! Но здесь вы неправы! Лунатики не помнят, как ходили во сне, я же прекрасно отдаю отчет в своих действиях.

— Что-то непохоже, — пробурчала под нос Наталья Федоровна. Я сделала вид, что не слышала ее, все внимание сосредоточив на докторе.

— А ты неплохо осведомлена. Жаль, что женщинам нель-

зя учиться на врачей, — вздохнул тот. — Однако не все так просто. Эта область еще плохо изучена. Думаю, мы многого не знаем об особенностях сна. Так что все может быть.

— Зачем вы приехали, Йозеф Соломонович? — я резко сменила тему.

— Повидаться с тобой, — пожал плечами доктор. — Ты же знаешь, мы с Петром были добрыми друзьями. Я беспокоюсь о тебе.

— Ну так поверьте мне! Моего деда убили! — воскликнула я. — И теперь пытаются добраться до меня! Но никто и пальцем не шевелит, чтобы разобраться с этим!

Хотелось продолжить тираду, но первый же прокол воспаленной кожи изогнутой иглой выбил меня из реальности. Боль была настолько пронизывающая, что хотелось выть. Я до крови закусилa нижнюю губу, пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик, но все равно из горла вырывались глухие стоны. Йозеф Соломонович остановился и снова предложил обезболивающее. Я снова отказалась.

— Упрямая, — цыкнул он. — Как дед!

Как долго продолжалась эта пытка, не знаю. Показалось, что целую вечность. Когда он закончил, в глазах совсем потемнело. Не только кисть, но и все предплечье беспощадно пульсировало. Врач достал другую баночку, поднял ее и посмотрел содержимое на просвет. Там лежали какие-то круглые пилюли — за коричневым стеклом и не поймешь, какого цвета.

— Хорошо, — сказал он, — будь по-твоему. Хочешь терпеть боль — терпи. Но вот это ты должна принимать в течение недели, иначе рана может загноиться, и придется отнять руку.

Меня даже передернуло от такой перспективы.

— А это точно не снотворное? — прищурилась я.

— Ну что ж с тобой будешь делать?! — всплеснул руками врач. — Нет, это точно не снотворное. И точно не болеутоляющее. Всего лишь противовоспалительное средство. Новейшее в Европе. Привез рецепт с собой, — он постучал себя указательным и средним пальцами по виску. — Едва ли такое можно найти еще у кого-то в России.

Что ж, от этого не откажусь, потому что вряд ли в ближайшее время встречу с доктором. Я больше не могу здесь оставаться. Сегодня отсюда сбегу.

Занятия еще не начались — воспитанницы только съезжались в заведение после летних каникул, а потому у меня было время отдохнуть. После бессонной ночи и пережитой боли хотелось только одного: спать. Не думаю, что загадочный убийца попытается напасть среди бела дня. Возможно, я его отпугнула, но никто не даст гарантии, что он снова не придет в комнату сегодня ночью. Или подкараулит еще где-то. Я нутром чуяла, что смерть деда и эта попытка убийства напрямую связаны. Боже милостивый, ну кому же мы так насолили?..

То ли Наталья Федоровна приказала меня не трогать, то ли никому и дела не было, но без труда удалось проспаться до самого вечера. Разбудили меня голоса соседок, дружной кучкой вернувшихся с ужина. Они что-то оживленно обсуждали.

Я приподнялась на локтях, сонно оглядывая комнату. Не сразу сообразила, где нахожусь, а когда поняла, сердце больно сжалось. Покрутила перед носом повязкой. Доктор, зашив рану, оказал мне большую услугу: кровь больше не проступала. Боль слегка утихла. После сна я чувствовала себя если не хорошо, то во всяком случае гораздо лучше.

Вспомнив про пилюли, встала с тяжелой головой, вытащила из прикроватной тумбочки баночку и высыпала на ладонь один кругляш. Доктор сказал принимать их неделю. Но здесь гораздо больше, чем семь штук. Я потрясла баночку, пытаюсь на слух определить примерное количество горошин. Ладно, такое добро всегда пригодится. Подошла к подоконнику, на который кто-то поставил графин с водой и стакан.

— Девочки, можно? — я кивнула на жидкость.

— Это общее, — сказала одна из них, оторвавшись от разговора.

Я еще не всех запомнила по именам, но эту точно звали Анна. На правой щеке под глазом у девушки было очень приметное родимое пятнышко, но оно ее совсем не портило. Живое и какое-то светлое лицо обрамляли пшеничного цвета кудряшки. Она уже распустила на ночь строгий пучок,

в который непременно надлежало убирать волосы всем воспитанницам, и теперь выглядела по-домашнему уютно.

Странно, но я не услышала в ее тоне пренебрежения. После ночного происшествия, думала, на меня все будут смотреть как на чудачку, но, обернувшись, поняла, что если они и обращают внимание, то скорее с любопытством, свойственным всем девицам.

Я проглотила горькую пилюлю и, запив несколькими глотками воды, смотрела в окно на дворника, который подметал первые упавшие листья. Предыдущие недели выдались сухими и жаркими, каштаны стали лысеть раньше времени.

Мужчина сосредоточенно занимался делом. Я хотела отойти от окна, но что-то было в дворнике не так, вот только не могла понять, что именно. Пока он не повернулся. Его шапка! Он неестественно натянул ее на одну часть лица. А что, если?..

Он, словно почувствовав мой интерес, обернулся. Тогда, ночью, я не видела лица. Не знала, как выглядит неудавшийся убийца. Но он, вероятно, очень хорошо знал меня. И выдал себя! Рассматривая сквозь стекло незнакомого человека, была уверена: это он. Наши с ним взгляды пересеклись всего на секунду. Дворник, как ни в чем не бывало, отвернулся от меня, продолжив свое занятие. Но теперь не покидало ощущение, что он не оставит меня в покое.

— Девочки, — тихо позвала, — а как зовут нашего дворника?

Анна выглянула в окно.

— Нашего – дед Милош, — сказала она уверенно, а потом добавила: — Только этот не наш.

Я поперхнулась остатками воды. Другие тоже подлетели к окну, облепив подоконник со всех сторон.

— Никак дед Милош снова запил, — предположил кто-то из соседок, внимательно вглядываясь в мужчину на улице.

— Лопнуло-то терпение у Натальи Федоровны. Уж сколько раз она его предупреждала: коли занятие свое пагубное не прекратит, вылетит отсюда как миленький, а он все судьбу испытывал, — вклинилась в разговор еще одна.

Анна, видимо, самая жалостливая, попыталась защитить пропойцу:

— Так тяжелая она у него, судьба...

Я перестала слушать, о чем они говорят, а вместо этого вытащила из-под кровати небольшой саквояж и принялась складывать туда самое необходимое. По правде говоря, у меня и не было с собой почти никаких вещей.

Я могла бы снова пойти к Наталье Федоровне и попытаться убедить ее, что новый дворник и есть убийца. Но где гарантия, что она мне поверит? А если он поймет, что я его раскусила, и убьет директрису или кого-нибудь из девочек? Нет, не могу так рисковать. Всем будет лучше, если сейчас уйду.

В сумку отправились лишь смена белья, чистая белая блуза, такая же, как сейчас на мне, пилюли и перевязочные мате-

риалы, которыми с лихвой обеспечил доктор. Денег, конечно же, у меня не имелось. Планировалось, что всем необходимым в ближайшие два года меня обеспечат здесь, поэтому управляющий должен был ежемесячно перечислять плату за обучение на счет пансиона.

Я не сразу сообразила, что в комнате стало очень тихо. А когда отвела сосредоточенный взгляд от сумки, заметила, как на меня внимательно смотрят пять пар глаз.

— Что ты делаешь, Августа? — не выдержала одна из соседок.

— Ухожу отсюда.

— Нельзя самовольно отлучаться! За такое нарушение правил тебя сразу исключат! — ужаснулась собеседница.

Будто мне было дело до этой учебы! Сейчас жизнь сохранить бы. Я хотела только одного: скорее оказаться дома.

Немного успокоившаяся рука снова дала о себе знать. Шов дергало — это порядком раздражало. Я чувствовала, что температура тела повышается, слегка знобило.

— Разве вам есть до этого дело? — ответила я грубее, чем хотела. И сразу же устыдилась. Они не сделали ничего плохого. Глубоко вдохнула и попыталась отпустить боль и раздражение. — Извините. У меня не очень гладкий период в жизни.

Несколько соседок нервно засмеялись: все знали историю моего появления здесь.

— Да чего там, — пожала плечами все та же девушка. —

Только куда ты пойдешь на ночь глядя? Погоди хотя бы до утра!

На улице уже вечерело. Сиреневые сумерки опустились на город. В комнате стало почти темно. Но я всем существом чувствовала ее: луна восходила. Меня начинало лихорадить. Нужно убираться отсюда.

— Не могу ждать утра, девоньки, — я решила не ссориться с соседками, чтобы они никому не рассказали о побеге раньше времени. — Его я могу и вовсе не дожидаться.

— Ты про того убийцу? — шепотом спросила Анна.

Я кивнула.

— Понимаю, как это все выглядит и почему мне никто не верит... — сказала я, опустившись на кровать. Вроде как присела на дорожку. На удачу.

Соседки переглянулись. Анна снова взяла слово:

— Мы тебе верим. В комнате и вправду было слишком шумно...

— А я почувствовала незнакомый запах... — добавила другая.

Я опустила голову.

— И почему вы ничего об этом не рассказали, когда вас спрашивали?

Сил злиться не было. Соседки долго молчали.

— Прости нас, — Анна села рядом. — Мы испугались до смерти! Если решила уходить, помогу выбраться незамеченной.

Здоровой рукой я благодарно сжала ее ладонь.

— Думала, через окно...

— А вдруг там уже ждет он? Ну, убийца! — девушка в ужасе распахнула веки. — Да и посмотри, прямо возле нашего окна фонарь стоит. Тебя может увидеть пан Якуб. Я уже третий год здесь, все знаю. Покажу, как выйти через черный ход.

Спустя четверть часа Анна вывела меня на маленькое крылечко.

— Удачи, — прошептала она и быстро приобняла меня.

Я остолбенела. Не ожидала такого участия от, по сути, совершенно незнакомого человека.

— Спасибо, — тоже шепотом откликнулась я.

Пора уходить. Уже сделала несколько шагов в сгущающуюся темноту, но развернулась. Соседка все еще стояла, молча провожая меня взглядом.

— Аня, будьте осторожны сегодня! Он может снова прийти.

— Будем спать по очереди, не беспокойся за нас! Уходи скорее!

Я тихо приоткрыла калитку и выскользнула с территории пансиона, перед тем внимательно осмотревшись. Пусто. Короткими перебежками миновав несколько фонарей, скрылась в переулке.

Хотя Раков совсем небольшой городок, я почти сразу же заблудилась. Нужно было найти дорогу, ведущую в Минск,

однако сделать это оказалось не так-то легко. Улицы опустели. Да я и побоялась бы обращаться к кому-нибудь с просьбой указать направление. Мне представлялось это слишком опасным: любой мог быть в сговоре с преступниками. Возможно, именно сейчас про меня можно сказать, что у страха глаза велики, но я решила не искушать судьбу лишний раз. В жизни и так случилось слишком много плохого за последнее время.

Меня накрыла волна паники, когда я поняла, что совершенно не ориентируюсь в этих по большей части деревянных, но местами и каменных строениях. Можно ходить здесь кругами до утра!

Боль в руке беспокоила уже не так сильно на фоне общего состояния. Я чувствовала, как продолжает расти температура, ломило кости, особенно челюсти. Но я ничего не могла с этим поделать. Так случалось каждый раз, когда всходила полная луна.

Я опустила саквояж на землю, привалилась к стене дома и постаралась расслабиться. Дед всегда учил в такие моменты прийти к миру с собой, не сопротивляться тому, что сидит внутри. Но трудно было сделать это, когда я прекрасно знала: оно может в любой момент лишить меня жизни.

Долго смотрела на желтый диск в небе и дышала размеренно и глубоко, успокаиваясь. Потом отошла от стены, закрыла глаза, раскинула в стороны руки и попыталась расслабиться, ощутив направление. Через несколько минут, рас-

пахнув веки, я точно знала, в какую сторону нужно идти.

Зрение обострилось. В переулке прошмыгнула крыса. Я видела ее траекторию движения и каким-то неведомым образом понимала, с какой скоростью она будет двигаться и как нужно передвигаться мне, чтобы схватить ее. Помотала головой, прогоняя ненужные мысли.

Привычным жестом коснувшись кулона в форме совы, который висел на шее вместо крестика, плотнее запахнула плащ. Довольно крупное, размером с полпальца золотое украшение было со мной всегда, сколько себя помню. По словам деда, раньше оно принадлежало моей матери, оттого я особенно ценила его.

Мама! Я совсем ее не помнила. В памяти не осталось лица, а портрет был утерян во время переезда. Иногда во снах как будто чувствовала ее, что-то совсем неуловимое. Но эти сновидения всегда заканчивались одинаково: обрывались под звук быстрых взмахов птичьих крыльев. В такие ночи я просыпалась и еще долго не могла уснуть.

Отец, русский офицер, погиб незадолго до моего рождения, а мама... Она не перенесла этого известия. Разрешившись от бремени раньше положенного срока, навсегда покинула нас.

Так на руках у деда, тогда еще довольно молодого вдовца, осталась маленькая я. Мы были одни друг у друга в целом свете. Чтобы избежать в будущем проблем с наследством, он почти сразу дал мне свою фамилию. А, может, это лишь

предлог? Няня рассказала однажды, что дед сильно противился браку моих родителей. Предчувствовал что-то? В любом случае почти с рождения я была Августой Константиновной Савиной. От покойного отца у меня лишь отчество. Переживала ли я по этому поводу? Разумеется, нет. Дед заменил всех, я с гордостью носила его фамилию.

Я никогда не спрашивала у него, почему он решил покинуть родной дом. Только ли выгодные условия, предложенные русским помещикам, двигали его желанием уехать так далеко от дома, или он пытался начать новую жизнь: без воспоминаний о прошлом, без боли? Как бы там ни было, Петр Дмитрич больше не женился, хотя, помани он лишь пальцем, любая женщина могла бы быть его. И все же он очень трудно сходил с людьми, а в семью впускать кого-то нового и подавно не хотел.

Я уверенно ступала по тропинке. Миновала старую деревянную часовню, за ней – кладбище, а сразу за ним начинался лес. Двигалась параллельно широкому тракту, ведущему в Минск. По нему идти не решилась: слишком опасно. Все документы остались в кабинете директрисы, а без них путешествовать нельзя. Встреча с любым городовым могла закончиться в полицейском участке. К тому же лес всегда принимал меня. Несмотря на то, что я выросла в городе, в окружении природы было уютнее.

И все же сейчас было по-другому. Странное волнение посетило меня с первыми шагами по лесной тропинке, осве-

ценной лишь лунным светом. Это чувство не отпускало. Но мне нужны ответы, а их я могу найти только дома. Сглатывая ком в горле, упрямо двинулась вперед. Всего-то чуть больше сорока верст. Если очень постараться, дойду уже к завтрашнему вечеру.

[1] Фольварк — помещичье хозяйство, усадьба.

[2] Корпия — нащипанная на нити хлопчатобумажная ве-
тошь.

Глава 2

Мои расчеты оказались неверны. Даже с обостренным зрением идти по лесу ночью было не так-то просто. А неподготовленной девушке, которая обычно передвигается в удобном французском дормезе[1] – и подавно. Я устала уже через пару часов ходьбы. Хотелось только одного: отдохнуть.

Немного сошла с тропинки, углубляясь в чащу, нашла широкое поваленное дерево и присела на него, с удовольствием вытягивая натруженные ноги. Принялась расшнуровывать ботинки, которые уже стали натирать кожу даже через чулки, как вдруг замерла: пронизывающий до костей, пробирающийся в самые глубокие уголки души, ледящий внутренности волчий вой разнесся по округе. Волк замолк, чтобы через несколько секунд возобновить жуткую песню. К нему присоединился второй, третий... И вот уже непонятно, сколько их. Но они были повсюду. Это походило на перекличку, потому что вой доносился сразу со всех сторон.

Хищников раньше я не боялась. Они ни разу нас не трогали, когда дед брал меня с собой в лес. И все же смутная тревога нарастала. Я едва могла дышать, успокаивая расшалившееся сердце, которое с силой билось о ребра.

Вой приближался. Меня как будто окружали. Кости стало ломить еще больше. Почти невыносимое ощущение.

Я быстро завязала шнурки, повесила саквояж на плечо. Так нести его неудобно, тонкая ручка впивалась в кожу, однако мне нужна была свободная рука. Нащупала на земле довольно толстый сук и, вооружившись, осторожно стала двигаться все в том же направлении. Все равно не отдохну. Под такой аккомпанемент кто угодно поседает.

Хищники продолжали перекликаться где-то совсем рядом, но не показывались на глаза. Я не сразу сообразила, что привлекло мое внимание, но, продолжая идти, краем глаза чуть в стороне уловила несколько раз мелькнувший и пропавший отблеск. словно там горел огонь, но только что погас. Костер? Принюхалась. Действительно: пахло дымом.

Я стала как можно тише продвигаться в ту сторону и скоро уже могла различить раскаленные поленья. Еще несколько минут назад их облизывали язычки пламени. Яркие угли цветными пятнами плясали в глазах, на какое-то время я почти ослепла, поэтому ориентировалась лишь на вой, который все приближался. Боковым зрением уже улавливались движения мохнатых тел. Но в темноте я не сразу разглядела человека, привалившегося спиной к дереву у самого костра. Он не двигался. Заснул что ли? Одному в лесу ночевать опасно.

— Сударь? — неуверенно окликнула я.

Мужчина не шевельнулся. Волки, услышав человеческий голос, резко прекратили песни, словно прислушивались ко мне.

— Сударь, проснитесь! — снова позвала я, на этот раз громче.

Незнакомец не отреагировал. Я подошла к нему и, тронув за плечо, потрясла. Зрение наконец прояснилось: темное мокрое пятно расплывалось на его груди. Я тронула его в этом месте и понюхала руку. Кровь. Я так резко отпрянула, что не удержалась на ногах, упав на ягодицы, и выронила палку.

Волки тем временем выжидали. Я всем телом ощущала их незримое присутствие и внимательные взгляды на себе и этом человеке. Вот кого они окружали! Почувствовали скорый пир! Но они умели быть терпеливыми.

Кое-как поднявшись, я попятилась. Его кто-то убил! Костер еще совсем свежий, значит, убийца где-то рядом. Вдруг он услышал мое приближение и спрятался за деревьями, выжидая, как те волки? Голова закружилась от волнения. Бежать! Скорее бежать как можно дальше отсюда!

Я почти пустилась в бегство, когда человек вдруг застыл. Звук был очень тихим, но в ночном лесу прозвучал слишком отчетливо, хлестнув по ушам.

Уйти или остаться и попытаться ему помочь? Покину его — и даже если он не истечет кровью, его прикончат звери. Я во все глаза таращилась в чащу, словно могла видеть сквозь деревья и определить, скрывается ли там кто-то кроме волков. Останусь — подвергну опасности и себя. Было так страшно, что подгибались колени. Я нервным жестом убрала вы-

бывшийся из пучка локон, размазывая кровь незнакомца по своей щеке.

Что же делать?!

Нет-нет. Нужно уходить. Я все равно ему ничем не помогу. В таких условиях он уже мертв, просто его тело все еще сопротивляется неминуемой гибели. Задержусь – и, возможно, меня ждет та же участь.

Страх заставлял пятиться от раненого. Я двигалась все быстрее, пока не услышала рычание за спиной. Волки! Они ведь так никуда и не ушли. Наоборот, судя по силуэтам, мелькавшим все ближе за деревьями, они сужали кольцо.

Я замерла, боясь дышать. Звери уверенно гнали меня к мужчине, собирая своих жертв, так соблазнительно пахнущих кровью, в одном месте. Раньше хищники меня не трогали. Но ведь я никогда не оказывалась в лесу без деда, с глубоким порезом, к тому же рядом с умирающим человеком. Животные будто обезумели от дразнящего запаха скорой трапезы.

Это конец. Мы умрем здесь оба.

Преодолевая слабость в коленях, я сделала несколько шагов к мужчине. Это то, чего хотели волки: загнать добычу в одно место и окружить ее шерстяным кольцом, ощерившимся острыми иглами-клыками.

Двигаясь медленно, словно во сне, я снова подобрала палку. Отдавать жизнь просто так не собиралась. Аккуратно, без резких движений сняла с плеча саквояж и поставила его ря-

дом с незнакомцем.

Теперь тихое рычание доносилось со всех сторон одновременно. Пришлось почти сразу оставить промелькнувшую мысль о том, чтобы забраться на дерево — слишком широкие и гладкие стволы. Мужчина снова застонал, и я услышала шепот. В зловещей тишине ночи и прекратившемся вдруг рычании голос прозвучал пушечным выстрелом:

— Костер...

Пытаясь совладать с паникой, я не сразу сообразила, о чем он говорит.

— Костер, — снова прошептал он и, кажется, растратив все силы, потерял сознание. Или умер. Проверять не было ни времени, ни смысла.

Огонь! Все животные его боятся! Наконец я поняла, что он имеет в виду, своей длинной палкой пошевелила еще красные угли и оставила там ее кончик, надеясь, что он загорится. Из пепла показалось несколько язычков пламени, которые тут же исчезли. Еще не все потеряно! Я стала шарить взглядом вокруг в поисках подходящего хвороста, который сразу разгорелся бы.

В этот момент на поляну вышел первый волк. В еле различимом свете углей его глаза отливали красным. Зверь прижал уши и оскалился. Припал к земле, приготовившись к нападению. Я была словно загипнотизирована его взглядом и не могла пошевелиться. Еще секунда — и он кинется. Разве спасет от мощных челюстей этот сук? Порезанной рукой я

до боли сжала кулон на шее, мысленно прощаясь с этим светом. В огненных глазах отражалась моя смерть.

Но зверю не суждено было вкусить мою плоть.

Беззвучно, сверху, прямо из темноты, на волка спикировала тень. Все произошло так быстро, что я и моргнуть не успела. Огромная белая сова впилась мощными когтями прямо ему в морду, разрывая покрытую шерстью кожу. Хищник испуганно заскулил, как побитая дворняга. Он мотал мордой, пытаясь сбросить птицу, помогал себе передними лапами, но та только глубже погружала когти в его голову.

Это привело меня в чувство. Я схватила сосновую ветку, которая лежала неподалеку, и кинула ее в костер. Почти сразу нижние иголки стали тлеть, а потом вся ветка ярко полыхнула.

Я поспешно сгребла опавшие листья, сухие сосновые иголки, шишки и мелкие ветки, подкидывая их следом. От такой подпитки огонь затрещал, мелкие искры разлетались во все стороны. Пока пламя снова не потеряло силу, я кинула в него и несколько палок потолще, которые, видимо, заранее заготовил мужчина.

Остальные волки, видя, какая участь постигла их главаря, не спешили нападать. На самом деле, я не знаю, вожак ли это был, но особь действительно крупная и первой пошла в нападение, теперь сполна получая от моей внезапной спасительницы. Я ощущала страх других членов стаи. Чтобы отогнать их, выхватила из костра свою палку, которая уже успе-

ла хорошо разгореться на конце, и стала беспорядочно махать вокруг себя получившимся факелом. Волки медленно пятились.

Сова наконец отпустила свою жертву и, взмахнув крыльями, скрылась где-то в кронах деревьев. Но перед этим я увидела взгляд ее янтарных круглых глаз, направленный на меня: пронзительный, резкий, острый.

— Мама... — еле слышно прошептала я в темноту леса.

Полностью ослепший волк беспомощно мотал головой. На его морду невозможно было смотреть без содрогания: она превратилась в сплошное кровавое месиво. Тихо поскуливая и натываясь на деревья, он медленно скрылся в чаще.

Я в изнеможении привалилась к тому же стволу, о который опирался раненый. Несколько секунд таращилась в пустоту. И только поняв, что все волки ушли, позволила себе разрыдаться.

Несколько минут я выла в голос, выплескивая эмоции, которые днями копились внутри. И все же долго это продолжаться не могло. Усилием воли взяла себя в руки, вытерла нос рукавом и, все еще шмыгая, попыталась нащупать у раненого сердцебиение.

Почему-то я была уверена, что ничего не почувствую: движения грудной клетки не замечала. Однако стоило припасть к ней ухом, как услышала неровные, но мощные толчки. Человек цеплялся за жизнь. Упрямый. Похоже, только это его и спасло — очень уж близко к сердцу пришелся удар.

Но ведь если бы лезвие задело орган, мужчина давно уже умер бы?

Не обращая внимания на боль в руке, я уложила его на спину. С виду худой и даже костлявый, но все равно оказался очень тяжелым. Расстегнула сюртук. На белой ткани крови выглядела еще страшнее. Рубаху пришлось разорвать — по-другому ее никак было не снять. Все равно она уже безнадежно испорчена.

На секунду замерла в каком-то ступоре, увидев волосатую грудь. Нет, я прекрасно понимала, что мужское тело отличается от женского. Но одно дело — знать, а другое — видеть вот так близко. Очнувшись, начала соображать, что могу сейчас сделать.

Прежде всего, нужно остановить кровотечение. Не зря говорят, что нет худа без добра: не порежь я руку, у меня с собой не было бы всех необходимых материалов для перевязки. С благодарностью вспоминая доктора Йозефа, распахнула саквояж, достала корпию и бинты. Как могла, туго перемотала грудь мужчины. Делать это лежащему без сознания человеку задача не из легких, приходилось каждый раз его приподнимать. Под конец раненая рука совсем не слушалась, к тому же снова начала кровить. Хоть бы швы не разошлись!

До рассвета осталось всего ничего. Надеюсь, волки не нападут снова. Успокаивало то, что костер горел ярко и ровно. Закончив с перевязкой, я укутала мужчину своим плащом.

Он был очень бледен, а его кожа — липкой и холодной. Затем нашла еще несколько сухих веток для поддержания огня. И без сил привалилась к дереву.

Я находилась в каком-то странном состоянии: и заснуть боялась, и не могла пошевелить даже пальцем. Тело будто одеревенело. Зато влияние луны постепенно ослабевало. С каждой минутой все явственнее я чувствовала, как что-то чужеродное во мне отступает, прячется глубже, чтобы снова выйти на поверхность примерно через месяц. Я становилась все больше собой — Августой Константиновной Савиной. Ломота в костях медленно растворялась. Я наслаждалась блаженными минутами. Теми, когда мучительная боль отступает, и ты вдруг осознаешь, что уже ничего не беспокоит. Ну, кроме руки... Но по сравнению со всем остальным это была мелочь.

Стоило прикрыть веки, как перед глазами вставали другие — огромные, круглые, с большими черными зрачками и ярко-оранжевой радужкой... Неужели это и вправду она? Столько лет ни единой весточки, ни одного намека на то, что она жива. И вдруг такое появление. Не может быть простым совпадением. Полярные совы в этих широтах не водятся. Но как?.. От подобных мыслей разрывалась голова.

Пересилив себя, все же достала из сумки остатки корпии и бинтов и занялась своей раной. Меня немного замутило от вида того, что произошло с ладонью от бесконечных мани-

пуляций, в то время как она должна была находиться в покое: несколько швов лопнуло, рана снова кровила. Такими темпами она нескоро заживет. Сама себе удружила.

Сжав челюсти, поменяла повязку и проглотила горькую пилюлю, запив ее водой из фляги, которую подарили мне добродушные соседки. А вот еды я не взяла — не рассчитывала на такую остановку, да и достать пищу в пансионате было проблематично.

Посмотрела на раненого. Он погибнет без меня здесь. Еще неизвестно, выживет ли и со мной, но, по крайней мере, так у него будет шанс. Весьма небольшой. Я приподняла его голову и верхнюю часть спины и уложила себе на колени — не стоит усугублять ранение еще и простудой. От земли тянуло прохладой, а солнце только-только начинало всходить. Здесь, среди деревьев, царили сумерки.

Я убрала с его лба несколько налипших прядей светлых волос. Огромные темные тени залегли под глазами. На миг показалось, что я смотрю на покойника. Но нет, он все еще сражался. Неосознанно провела пальцем по его щеке. Молодой. Около тридцати. Его ресницы затрепетали, и я поспешно отняла руку от лица. Раненый не очнулся. Наклонилась чуть ближе и ощутила приятный запах — наверное, помада для волос. Хотя сейчас чуть волнистая, довольно длинная шевелюра разметалась абы как.

Кто же ты?

Судя по одежде, явно не крестьянин. Выглядит как моло-

дой чиновник или доктор, возможно, даже офицер, одетый в гражданское. Наметила светлая щетина — значит, еще вчера он имел возможность поухаживать за собой или сходить к цирюльнику. В лесу явно долго не плутал. Уж точно не потерялся. Но рядом не было ни вещей, ни лошади. Что он делает тут совсем один? Сплошные загадки.

Тем временем солнце поднималось все выше. Я задержала взгляд на еще зеленых листьях клена, сквозь которые причудливо просвечивали солнечные лучи. Улыбнулась. Как же люблю дневное светило! Странно, но сейчас я совсем не боялась. Ни того, что меня, возможно, уже хватились, ни того, что на пятки наступает таинственный убийца. Здесь было сухо, светло и пели птицы. Может, даже хорошо, что я так задержусь, ведь наверняка особняк деда — первое место, где меня станут искать, когда обнаружат пропажу в пансионате.

Я не питала надежды на то, что, оказавшись дома, заживу спокойно в обход приказа губернатора. Вовсе нет. У меня созрел конкретный план. Есть один человек, который точно поверит моим словам о том, что с дедом произошел не несчастный случай. Уж он-то поможет во всем разобраться. Найму экипаж — не на своем же добираться! — и через несколько дней буду на месте. Только перед этим нужно зайти домой. Там я смогу взять и припрятанные деньги, и смену одежды, и запасы еды на всякий случай. По возможности одинокой девушке лучше не останавливаться на постоянных дворах.

Только вот задуманное откладывается. Сперва нужно по-

заботиться об этом человеке. Теперь я уже не могла его бросить. Как будто, оставшись, взяла на себя ответственность за его жизнь. Пускай бы он сегодня очнулся! Нам необходимо добраться до жилья, ему нужна помощь.

Я ушла не так далеко от Ракова, но поблизости точно должна быть какая-нибудь деревушка или хутор. Знать бы еще, в какую сторону идти. Я знала, в каком примерно направлении Минск, но как определить, где ближайшее поселение?

Несмотря на все мысли, теснившиеся в голове, усталость взяла свое. Веки медленно закрылись, и я задремала.

[1] Дормез — большая карета, в которой можно даже лечь.

Глава 3

Первое, что увидела, раскрыв глаза, — дуло ружья. Оно не было направлено прямо на меня, но старик держал его наготове. Одет просто. Как мещанин или крестьянин. Голова и борода совсем седые.

Я всхлипнула от неожиданности и замерла. Ну что, за мной все-таки пришли. Или это вернулся убийца моего загадочного подопечного?

Сбежать не успею. Я даже подняться быстро не смогу: на моих коленях все еще покоилась голова мужчины, а тело после сна в неудобной позе задеревенело.

— Вы кто такие будете? — человек с ружьем склонил голову набок, присматриваясь.

А я не могла вымолвить и слова. Ну что ему сказать? Правда была слишком невероятной. Не рассказывать же каждому встречному свою историю. Но иногда ружье становится неплохим аргументом, чтобы начать говорить.

— Помогите, — пискнула я. От испуга, да еще и после сна голос совершенно не слушался. Пришлось прочистить горло и сделать еще одну попытку: — Помогите, пожалуйста, на нас с мужем напали разбойники!

Это была первая более или менее правдоподобная ложь, которая пришла в голову. К тому же я могла быть недалеко от истины. Слишком уж все походило на то, что мужчину

ограбили.

Я чувствовала, что у него начинается жар. В том месте, где он меня касался, тело горело огнем. Приложила ладонь к его лбу, убеждаясь в догадках. Другой рукой распахнула плащ, явив взору старика неприглядную картину. У самой от увиденного остро кольнуло в сердце. При свете дня все выглядело гораздо страшнее. Но одно меня сильно порадовало: кровь запеклась, а новой не было видно.

— Потом ночью на нас напали волки, — продолжила я уже правдивую часть истории. — Еле удалось отбиться. Нам очень нужна помощь! Пожалуйста!

— Ишь, бедовые, — цыкнул старик, поморщившись. — Домик у меня здесь рядом, лесник я тутошний. Сейчас за покрывалом схожу. Вдвоем его в дом затащим. Сама-то хоть не ранена? — он покосился на мою перевязанную руку.

— В порядке, — заверила я.

— Тогда хорошенько затуши костер, пока я обернусь. Пожара только мне не хватало.

Продолжая что-то ворчать себе под нос, старик развернулся и ушел. Может, не стоило врать, что это мой муж? Так бы со спокойной совестью оставила раненого на лесника и пошла бы своей дорогой. Но слово не воробей.

В конце концов, я могу убедиться, что его жизнь вне опасности, и тихо уйти. Только сперва нужно привести себя в порядок и немного отдохнуть. Трудно назвать отдыхом сон в таких условиях.

По ощущениям, прошло не больше получаса, как лесник вернулся. К тому времени я уже успела тщательно закидать землей почти догоревшие угли. Дед посмотрел на мои старания и одобрительно хмыкнул.

Мы расстелили старое, местами рваное покрывало и как можно аккуратнее переложили на него раненого. Он тихо застонал и раскрыл глаза, но взгляд не был осознанным.

— Ш-ш-ш, — произнесла я, глядя его по лбу. Мужчина снова медленно прикрыл веки и погрузился в сон.

Тогда мы с двух сторон ухватились за уголки покрывала и потащили ношу. Ноги раненого волоклись по земле. Старик шел справа, я — слева. Нести было тяжело. От такой нагрузки рука снова нещадно начала пульсировать, я то и дело глухо стонала от боли, но, закусив губу, упрямо двигалась вперед.

Несколько раз мы останавливались передохнуть по моей просьбе. Дед только с виду был старым, а на проверку оказался очень крепким и выносливым. Он как будто даже не запыхался. Зато у меня перед глазами уже плясали разноцветные мушки. Возможно, от голода. Полкуска хлеба во время вчерашнего обеда трудно назвать полноценным приемом пищи. Да, теперь казалось, я могла съесть что угодно и в любых количествах.

Наконец мы пришли к его дому — небольшой деревянной постройке, находящейся в самой чаще леса, да маленькому сараю. Как позже узнала, в нем он держал лошадь. Другого

хозяйства не было, только рядом с хатой стояла уже порядком покосившаяся будочка, из которой при нашем появлении показался некрупный черно-серый пес. Сначала он забрежал на нас, но хозяин окликнул его, и тот, вильнув хвостом, сразу же замолчал.

Как я была благодарна за то, что дед ничего не спрашивал, располагая нас в одной из двух комнат своего жилища! Мы аккуратно переложили раненого на кровать. Старик только чуть удивленно приподнял брови, заметив перевязочные материалы и лекарства.

— Сестра милосердия? — уточнил он, принеся мне лохань с водой и несколько чистых тряпок.

И вправду: откуда у меня все это было бы? Я согласно кивнула.

— Повезло твоему мужу, — заметил он. — Сильно же ему досталось. Без тебя вряд ли выжил бы.

Я вздохнула и ничего не ответила.

— На обед похлебка, сейчас подогрею. Больше ничего предложить не могу.

Я улыбнулась внезапному спасителю.

— Это просто замечательно, спасибо, спадар[1]... — сделала паузу, потому что не знала его имени.

— Осип.

— Благодарю вас, спадар Осип. А я — Августа.

Старик кивнул и вышел, оставив меня наедине с «мужем». Я сняла с него сюртук, осторожно стянула остатки рубахи,

влажной тряпкой стерла кровь с груди, снова перевязала рану и приложила прохладный компресс к горячему лбу. В довершение растолкла пилюлю из тех, что было велено принимать мне, растворила в ложке с водой и потихоньку влила мужчине в рот, аккуратно придерживая голову, чтобы он не захлебнулся.

Все. Больше ничего сделать для него я не могла. Если суждено выжить – выживет. Отдохну пару часов до заката и ближе к ночи тихо уйду.

Накормив меня и подкрепившись сам, Осип занялся какими-то хозяйственными делами во дворе. Раненый мирно спал. Я решила тоже подремать, пока все тихо. Как только старик вернется и заснет, постараюсь проскользнуть мимо него.

Комната, в которой он нас расположил, видимо, служила ему спальней, другой мебели, которая подходила бы для сна – сундука или лавок – я не заметила. Однако лесник заверил, что прекрасно выспится на печи. Я надеялась, что у него не слишком чуткий сон, но на всякий случай специально походила по половицам, чтобы знать, какие из них могут предательски заскрипеть в самый неподходящий момент.

Теперь можно наконец отдохнуть. Прямо в одежде клубочком свернулась в ногах раненого, потому что кровать была довольно узкая для двоих, но вполне длинная, чтобы я могла относительно удобно устроиться.

Проснулась по ощущениям через пару часов. Собака снова подала голос. Наверное, Осип куда-то отлучался. Я услышала, как хозяин прикрикнул на пса, и тот умолк. В комнате уже стало темно, но на улице еще только начинало вечереть. По крайней мере, небо все еще оставалось светлым, лишь поблекло. Я решила сделать вид, что все еще сплю. Боялась, что хозяин начнет о чем-нибудь расспрашивать, а я понятия не имела, что ему говорить. Грубоватый и простодушный старик вызывал доверие, но мне было мучительно стыдно признаваться во лжи, поэтому лучше придерживаться первоначальной легенды. Беда в том, что я не успела придумать больше ничего о своей «супружеской» жизни, так что лучшим вариантом было вообще молчать и поменьше общаться с хозяином.

Он повозился возле печи и погромел посудой, а потом все затихло. В полной тишине и сгущающейся темноте я лежала еще немного, а потом как следует потянулась и решила, что пора собираться. Сменила порядком запачканную блузку на свежую. Отсыпала на комод примерно половину пилуль. Кажется, я обмолвилась перед стариком, что «мужу» нужно принимать лекарства — думаю, догадается ему дать их.

Представила выражение лица раненого, когда он очнется, а лесник расскажет тому, что с ним была супруга и куда-то пропала. Несмотря на всю серьезность ситуации, не смогла сдержать улыбку.

Мужчина начал глухо стонать. Заворочался так, что чуть не слетел с кровати — еле успела его подхватить.

— Эй, эй, тише, — шептала я, укладывая его обратно, но он продолжал дергаться. Жар снова одолевал его тело.

Со вздохом я взяла уже высохшую тряпку, смочила и начала обтирать его грудь, плечи и шею, а потом оставила на лбу. Она так быстро нагревалась! Приходилось постоянно ее смачивать и опять охлаждать опасно горячий лоб. Пока я сидела рядом, пока обтирала и шептала что-то неразборчивое для успокоения, он лежал смирно, но стоило отойти, как мужчина начинал буйствовать.

— Да что ж с тобой будешь делать?! — не выдержала я. — Черт бы побрал тебя, твою рану и того, кто пытался тебя убить!

Я посмотрела в окно. На небе светила все еще яркая и почти полная луна. Ночь уходила. А я оставалась на месте. Меня обуяли раздражение и злость. Даже если каким-то чудом удастся тихо пройти мимо собаки, раненый сразу же разбудит хозяина. Да и не могла я его оставить в таком состоянии! От этого злилась еще больше, теперь уже на себя.

До рассвета не отходила от мужчины ни на шаг, только несколько раз доливала в лохань воды. К утру, когда немного отпустила лихорадка, я придвинула его как можно ближе к стене, а сама улеглась рядом с самого краешка, на боку, потому что по-другому ширина кровати не позволяла. Уткнулась лбом ему в плечо. Так он точно не слетит на пол, даже

если снова разбушует. Главное, чтобы меня не толкнул. Я перекинула руку ему через живот. Ну вот, так обезопасила от падения нас обоих, насколько смогла.

Очередное ночное бдение вымотало меня. Запоздалая мысль о том, что в первый раз в жизни нахожусь с мужчиной в одной постели, не вызвала ни малейшей эмоции. Мне было уже все равно, и я провалилась в беспокойный сон.

Проснувшись от громкого собачьего лая, я не сразу поняла, где нахожусь. Лежала одна на какой-то узкой кровати, укрытая одеялом прямо поверх одежды. Память возвращалась постепенно. Сперва вспомнилось, что, когда засыпала, одеяла на мне не было и в помине. А потом в голову словно ворвались все события последних суток. С колотящимся сердцем я подскочила.

Где мой раненый? Куда он мог подеваться в таком-то состоянии? На всякий случай свесила голову и, приподняв краешек простыни, заглянула под кровать. Пусто. Я стала со всей возможной скоростью выбираться из-под одеяла, уже почти вылезла, но запуталась в длинной юбке и чуть не полетела на пол. Ну что за растяпа?

В этот момент послышался покрхтывающий голос хозяйина, словно он нес какую-то тяжесть.

— Ну вот, почти на месте, еще пару шагов, держитесь, аккуратно, тут порог! Вот та-а-ак.

В следующий миг дверь распахнулась, и на пороге по-

явился старик, на котором почти повис мой подопечный. Мы встретились глазами. Он в первый раз смотрел на меня осознанно, и этот внимательный, оценивающий, немного с прищуром взгляд пронзительных голубых глаз мне совсем не понравился. Захотелось прикрыться, несмотря на то, что я была одета. Сначала совсем растерялась, а потом разозлилась.

Неловкий момент нарушил лесник.

— Упрямый он у тебя, Августа, — прокряхтел он, вводя мужчину в комнатушку и усаживая на кровать рядом со мной. — В ведро ни в какую не согласился, пришлось помогать во двор выйти.

Я резко поднялась и отошла от кровати. Старик странно на меня посмотрел. А мне вдруг стало так неловко, что я почувствовала, как щеки начинают гореть. Одно дело – находиться рядом с мужчиной, пока он без сознания. Я даже не воспринимала его как кого-то постороннего, быстро привыкнув к его присутствию и запаху. И совсем другое дело, когда на меня смотрят эти серьезные голубые глаза.

Чтобы скрыть румянец, сорвалась с места и выбежала из комнаты, пробормотав, что мне тоже срочно нужно. Пес радостно залаял, а потом начал вилять хвостом, когда я подошла к нему, чтобы погладить и успокоить. В действительности успокоиться нужно было мне самой.

Я пришла в чувства, только когда умылась колодезной водой из ведра, стоявшего на крыльце.

Дыши, Августа, дыши.

Когда я вернулась в дом, старик уже хозяйничал у печи и продолжал что-то рассказывать гостю через открытую дверь:

— Всю ночь, бедняга, промаялась. Только и слышал, как подскакивала от каждого вашего стога, спадар Алексей. Мне в свое время не так с женой повезло.

Уже и познакомиться успели, надо же! Алексей, значит. Увидев меня, хозяин улыбнулся и протянул миску все с той же похлебкой. От вчерашней суровости и молчаливости не осталось и следа. Видно, искренне радовался, что гость пошел на поправку.

— Я на обход, кто-то повадился лес средь бела дня воровать. Барин с меня шкуру спустит, коль так и дальше пойдет. А ты покорми мужа-то, силы ему сейчас понадобятся. А если еще обед какой сообразишь из того, что у меня тут найдешь, цены тебе, дочка, не будет.

Я только растерянно кивнула. При упоминании слова «муж» снова почувствовала, как начинаю краснеть. Что ж будешь с этим делать?!

Старик повесил на плечо ружье и вышел. А я так и осталась стоять с полной миской в руках. Отсюда мне не было видно, что творится в комнате, но тишина угнетала. Глубоко вдохнув, как перед прыжком в ледяную воду, сделала несколько шагов в сторону спальни.

Раненый полусидел, откинувшись на несколько подушек, лежавших столбиком, глаза прикрыты. Едва я показалась в дверях, Алексей распахнул их.

— Ну, а теперь, дорогая женушка, — протянул он слабым, но насмешливым голосом, — Расскажи мне, что произошло и когда это я успел обзавестись семьей?

Я остановилась на пороге. Пауза затягивалась, нужно было на что-то решаться: войти внутрь или уйти отсюда вообще, но не стоять истуканом.

Несмотря на непринужденный тон, его ярко-голубые глаза оставались серьезными. И мне сильно не нравился их холодный взгляд.

Только теперь в голову пришла мысль, что он сам мог оказаться опасен. Вдруг он какой-нибудь маньяк? А ранили его, обороняясь. Представляет ли он угрозу для меня — вот в чем вопрос. Странно о таком думать, но мне было гораздо комфортнее с ним рядом, когда он находился без сознания. Успокаивало одно: пока он настолько слаб, что даже руки не может поднять.

Я приблизилась. Он не отводил взгляд.

— Есть будете? — спросила вместо ответа.

Алексей неопределенно пожал плечами.

— Будете, — я присела на краешек кровати, намереваясь его покормить, потому что видела: сам он держать ложку не в состоянии. — Нужно восстанавливаться.

Он вздохнул, но возражать не стал.

— А не кажется ли вам, что человек, который перебинтовывал меня и испачкал руки в моей крови, может обращаться ко мне на «ты»?

— Нет, не кажется, — ответила немного грубее, чем следовало бы.

Я хотела с самого начала старалась держать между нами дистанцию, показать, что несмотря на всю заботу о нем, не испытываю к нему особого расположения. Я не какая-нибудь доступная женщина. Мало ли, что он мог себе надумать.

— Однако вы назвались моей женой, — он проглотил первую ложку похлебки.

— При чем здесь это? Вы же прекрасно понимаете, что это был единственный из возможных вариантов, как я могла объяснить свое нахождение в лесу рядом с мужчиной спада-ру Осипу!

— Ну, я мог бы быть вашим братом.

— Почему вы цепляетесь к таким мелочам?

Ужасно неприятный тип! И вправду было гораздо лучше, пока он молчал.

— Зачем вы это сделали? — совершенно серьезным тоном задал он вопрос после очередной ложки.

— Сделала что?

— Зачем спасли меня? Я не спрашиваю, откуда вы шли и куда направлялись, но вы не прошли мимо. Почему?

— Мне не дали волки, — решила сказать правду. — Поверьте, пыталась. Но нас окружили. А вы разве не помните?

— Волков? — удивленно приподнял брови он.

Я кивнула. Раненый отрицательно покачал головой.

— Выходит, если бы не звери, я был бы уже мертв. Надо

при случае сказать им спасибо.

— Думаю, они не оценят этого.

Не то чтобы я ждала от него слов признательности, но от этой фразы меня покорило. Волкам, значит, которые чуть нас не сожрали, спасибо нужно сказать, а мне — нет. Какая-то детская обида засела в груди. Ему не было интересно, кто я и откуда. Не услышала я и слов благодарности. Как будто не жизнь спасла, а в долг у него взяла.

Заметив недовольное мое недовольство, он чуть приподнял голову от подушки.

— Что?

— Ничего, просто хочу поскорее уйти отсюда. И так задержалась.

— Ну, сейчас-то большие злые волки вас не держат, а я и подавно.

Я посмотрела на него, поджав губы. Как же! Не держит. А ухаживать за ним будет кто, лесник?

Молча вышла из комнаты, унесла грязную тарелку, а вместо нее подала кружку с холодной колодезной водой и пилюлю.

— Что это? — насторожился он.

— Не волнуйтесь, не отравя. Это нужно, чтобы рана не загноилась. Доктор дал мне эти пилюли для руки, — я продемонстрировала ему перевязанную кисть.

— Вам врач велел, вы и пейте. Буду я еще ваши лекарства забирать!

Вот же упрямый!

— Ничего, у меня их много.

Он удивленно приподнял брови, но ничего не сказал и принял горошину из моих пальцев, чуть коснувшись кожи губами. Их мягкость заставила руку дрогнуть.

Останусь на три дня. За это время он окрепнет. Пойму, что его жизни ничего не угрожает, и уйду с чистой совестью.

После еды он почти сразу провалился в сон, а я пошла кое-как мыть посуду одной рукой и искать ингредиенты для будущего обеда. Не скажу, что часто готовила в своей жизни, ведь для этого в нашем поместье была кухарка. Но порой все же наблюдала, как тетка Марья возится на кухне, и иногда просила поручить мне какое-то дело. Просто из любви к кулинарному искусству. К сожалению, разнообразием продукты в доме лесника не отличались, поэтому получилось приготовить только гречневую кашу.

Дальше делать было нечего. Я неторопливо вышла во двор — навстречу из конуры тут же выглянул песик, несколько раз твякнул и завил хвостом, внимательно глядя на меня черными бусинами глаз. Опустилась рядом на корточки и потрепала охранника по холке, почесала за ушами, что-то ласково приговаривая. От непривычного внимания тот совсем разомлел и повалился на бочок, подставляя пузо. Рассмеявшись, я еще некоторое время с ним посидела, а потом заприметила небольшое плетеное лукошко на крыльце. Взяла его и вышла за забор.

Вокруг стоял лес — далеко ходить за его дарами не пришлось. Я боялась заблудиться, да и волки могли находиться где-то поблизости, поэтому все время поглядывала на дом лесника, чтобы не отходить и в случае чего сразу же спрятаться. В грибах я ничего не смыслила, поэтому не стала искушать судьбу, а вот ягоды — совсем другое дело. То тут, то там под листочками у самой земли висели темно-синие горошинки черники, а потом я набрела на кусты дикой малины. Получился неплохой «улов».

Когда вернулась, Осип уже был дома. Он сидел на старой рассохшейся деревянной лавочке, привалившись к нагретой за день солнцем стене хаты, и точил топор. При виде меня он улыбнулся.

— Добрый вечерок, спадарыня Августа!

— Добрый, спадар Осип.

И действительно добрый. Я уже очень давно не чувствовала такого умиротворения. Прекрасно понимала, что это всего лишь затишье перед бурей. Наверняка впереди ждет еще много невзгод, пока доберусь до правды и выясню, кто виноват в смерти дедушки. Но именно теперь было хорошо: меня отпустила даже безмерная тоска по нему. Знала, что она еще вернется, но сейчас внутри, будто солнечными лучами, я была залита спокойствием. Наслаждалась теплом ранней осени, ласковым солнцем, безветренным погожим деньком и одиночеством. Это особый вид удовольствия — побыть на-

едине с собой и своими мыслями, внутренними ощущениями. Замереть. Прожить момент. Ощутить, как течет время.

Старик так искренне обрадовался ягодам, что я не могла сдержать улыбки.

— Пойдем ужинать, дочка, — предложил он.

Мне нравился этот простой одинокий мужчина. Настороженно приняв нас вначале, он полностью поменял свое отношение. Мне казалось, ему даже нравится, что мы, непрощенные гости, заставляем его хлопотать.

После еды и вечернего чая с ягодами и медом я заглянула в спальню. Пора было покормить и моего раненого. Он лежал с открытыми глазами. Показалось, что я увидела на лице выражение, похожее на облегчение.

— Я думал, вы ушли.

— И поделом вам. Остались бы без ужина и перевязки, — сказала беззлобно, слишком хорошее сегодня было настроение.

Похоже, мой сосед и вправду осознал, что пока нуждается в уходе, потому что перестал язвить. Я покормила его в полном молчании. Сегодня он уже порывался сам держать ложку, но было видно, что любое движение еще доставляло ему сильную боль, поэтому не разрешила шевелиться.

Затем пришло время перевязки. Бинты были выстираны и уже высохли.

— Постарайтесь привстать.

С моей помощью он приподнялся с подушек.

Я как можно аккуратнее сняла с него рубаху, которой поделился лесник, и принялась разматывать грудь, стараясь не смотреть ему в лицо, но все равно чувствовала на себе внимательный взгляд, от которого залилась краской.

— Вы так и не сказали мне свое имя, — обдал он мою щеку чересчур теплым дыханием, от чего по телу волной вниз поползли мурашки. У него все еще держался жар.

— А вы не спрашивали.

Почему-то не я могла просто ответить, грубости вылетали как-то сами собой. Я себя не узнавала, ведь воспитанием и идеальными манерами точно обделена не была.

Сердце забилося чаще, когда он, преодолевая боль, поднял руку и отвел с моего лица выбившийся из пучка локон.

— Вы невозможная девушка. Теперь спрашиваю: как вас зовут?

— Августа Константиновна, — смягчилась, продолжая разматывать рану.

— Алексей Николаевич, к вашим услугам, — представился он в ответ.

— Кажется, пока тут только я к вашим услугам.

Он коротко хохотнул и скривился от боли. Я чуть сдержала улыбку. Подумает еще, что смеюсь над ним. Хоть этот тип был мне и не слишком приятен, совсем уж скатываться до уровня уличных торговков не хотела.

— Куда вы направлялись, Августа Константиновна? — прошептал он на ухо, когда я уже обработала рану и снова

туго заматывала грудь.

Растерялась от неожиданно теплого тона, которым он задал вопрос. Я буквально обнимала полуобнаженного мужчину, мне стало невыносимо неловко и, тщательно пряча от него глаза, коротко ответила:

— В Минск.

— Значит, нам по пути.

Я пожала плечами и не стала говорить ему, что не собираюсь ждать, пока он окрепнет и сможет идти. Даже если он решит доехать на экипаже, еще нужно добраться до тракта, а это явно не в теперешнем его состоянии. Больше он ничего не спрашивал, а я не собиралась рассказывать о причинах, побудивших меня путешествовать одной по лесу. Он тоже не особо распространялся о себе.

Сделав перевязку, снова надела на него рубашку и помогла удобнее лечь на подушках. А сама, не раздеваясь, устроилась у него в ногах. Я уже начала привыкать спать в одежде. Безумно хотелось наконец расслабиться и почувствовать, что тело не скованно тесным нарядом и корсетом под блузкой, но все, что я могла себе сейчас позволить — это растегнуть одну пуговицу на юбке, чтобы пояс не так давил на талию, и украдкой расслабить завязки корсета.

— Что вы делаете? — спросил Алексей, видя, как я пытаюсь найти положение поудобнее.

— По-моему, это очевидно: ложусь спать.

— Идите ко мне, я не кусаюсь и трогать вас не собираюсь.

Я промолчала. Он полежал еще несколько минут в тишине.

— Августа, это выглядит нелепо! Лягте нормально, — не выдержал он.

— Какая разница, как это выглядит? Меня все равно никто не видит, — проворчала я, ведь уже начинала дремать, а он помешал.

— Вас вижу я, — возразил Алексей.

— Ну, это легко исправить, — немного привстала, задумала свечу, которая стояла на тумбе в ногах кровати и снова улеглась клубочком, чуть касаясь его ног поверх одеяла.

В полной темноте спальни послышался его смех, а потом — сразу стон. Через минуту стало совсем тихо. А я почти сразу провалилась в сон.

Следующий день прошел почти так же спокойно, как предыдущий. Я хотела покормить Алексея, но в этот раз он отказался есть в кровати, а с моей помощью добравшись до кухни, позавтракал за столом. Разумеется, кухней это помещение называлось условно, ведь при надобности становилось столовой, гостиной, а сейчас служило хозяину и спальней.

К счастью, ели в молчании. Старик еще на рассвете взял лошадь и отправился на обход, а Алексей все силы тратил на то, чтобы держать ложку в руках. После еды я помогла ему сходить во двор, а потом, устроив его удобнее на кровати,

снова ушла на целый день в лес с лукошком.

Вечером вчерашний диалог повторился почти слово в слово: Алексей снова приглашал спать рядом с ним, приняв нормальное положение, а я упрямо осталась лежать в его ногах. Пусть говорит что угодно, но воспитание запрещало мне спать рядом с чужим мужчиной, который, к тому же, явно шел на поправку. Да у меня так быстро рана на руке не заживала, как на его груди. Хотя как же руке зажить, если я постоянно тревожила кисть разного рода работой?

Знакомство с Алексеем никак не продвигалось. Я сторонилась его, а в те минуты, когда мы находились рядом, он пребывал в каких-то своих мыслях. Может, размышлял, о том, кто пытался его убить, может, еще о чем-то. О себе он не рассказывал, а спрашивать я боялась, потому что пришлось бы делиться своей историей в ответ. К этому я готова не была. Сказать по правде, уже жалела, что представилась настоящим именем. Он-то наверняка назвал выдуманное. Хорошо, что фамилию не сказала. Но если он из Минска и хотя бы немного интересуется светской хроникой, то с легкостью может сопоставить факты и понять, кто я. Фамилия Савиных была на слуху и раньше, а после смерти бабушки и подавно.

Вечером третьего дня нашего здесь пребывания я в очередной раз меняла ему повязки на свежестырированные. Рана так хорошо затянулась, что я даже не знала, стоит ли ее снова перевязывать. Все знания о медицине черпала из справочников, но никогда не сталкивалась с ранениями по-настояще-

му. И все же решила перестраховаться и снова затянуть его грудь потуже. Да так, что слегка перестаралась.

— Августа, пожалуйста, полегче, — простонал Алексей.

— Мне дышать нечем.

Я фыркнула.

— Сразу видно, никогда корсет не носили.

Он аж поперхнулся и не нашел, что на это ответить. Увидев его вытянувшееся лицо, я не выдержала и расхохоталась. Он долго смотрел на меня, а потом улыбнулся в ответ. Тепло. Открыто. Впервые с тех пор, как я его знала, улыбка дошла до глаз, и они как-то потеплели, словно ледяной голубой стал не таким холодным.

Эх, любопытство кошку сгубило! Мой вопрос вырвался сам собой — я не успела вовремя прикусить язык:

— Вы знаете, кто это сделал?

Выражение его лица вмиг стало серьезным — он прекрасно понял, о чем спрашиваю.

— Догадываюсь, — отрезал он.

Судя по тону, он хотел пресечь дальнейшие вопросы. Но меня так легко не остановить.

— Чем вы занимаетесь, Алексей Николаевич?

— Я учитель. Учитель французского языка.

Это было сказано слишком быстро, без капли промедления. Без паузы. Сразу понятно: врет.

— Et qui enseignez-vous, puis-je me demander[2]?

Он коротко пожал плечами и непринужденно ответил:

— Surtout des enfants, mais il y a de jolies filles comme vous, mademoiselle[3]. А вы?

— Что я?

Разговор мне не нравился. Попыталась сделать вид, что не понимаю, о чем он говорит.

— Кто вы, Августа? Чем занимаетесь? Как оказались одна ночью в лесу?

Долго на него смотрела, закончив с повязками, а потом резко встала и потушила свечу.

— Я устала. Давайте спать.

Он молчал. На этот раз даже не предложил лечь с ним рядом. Ну кто меня за язык тянул? Зачем вообще завела этот разговор? Мы ведь оба прекрасно понимаем, что абсолютно друг другу не доверяем. Если поначалу меня обижало полное безразличие к моей персоне, то теперь не на шутку напугал интерес к ней.

Мне пора. Алексей уже вполне может обойтись без меня. Свой долг по отношению к нему, который я сама же на себя и возложила, выполнила. Утром уйду.

[1] Спадар — форма вежливого обращения на белорусских землях, соответствует слову «господин».

[2] И кого же вы учите, позвольте поинтересоваться?

[3] В основном детей, но, бывает, встречаются и прелестные девушки, как вы, мадемуазель.

Глава 4

Я проснулась на рассвете, как только услышала радостный лай песика, которого старик спустил с цепи. Иногда он брал его с собой на обход.

Алексей еще спал. Это хорошо. После вчерашнего разговора не хотела с ним общаться. Лучше уйду тихо. Как ни пыталась заглушить это ощущение, какой-то неприятный осадок в душе никуда не хотел исчезать. Он что-то недоговаривал, и это вызывало во мне странную обиду. Один из тех моментов, когда умом все прекрасно понимаешь, но эмоции не поддаются контролю. С чего бы этому человеку доверять мне? Мы в равном положении. Он не рассказывает мне правды о себе, как и я ему.

Собиралась недолго — все нехитрое имущество, которое было с собой, даже не выкладывала из саквояжа. Поэтому сейчас только поровну поделила оставшуюся часть пилюль да отрезала себе полбуханки хлеба, который старик вчера принес из деревни.

Алексей уже достаточно окреп для того, чтобы самостоятельно приготовить себе обед. Вчера даже гулял немного по лесу вокруг дома — видела, когда сама возвращалась с прогулки. Так что о нем можно уже не волноваться. Через несколько дней спокойно доберется до города. А мне пора.

Жаль было уходить, не попрощавшись со спадаром Оси-

пом и его милым псом, но так даже лучше. Пришлю ему потом плату за наше проживание, только вначале разберусь во всей этой ситуации с убийствами и покушениями.

Кобылка старика сегодня осталась в стойле. Я подошла к ней и погладила бархатистую морду, лошадь легонько боднула меня в руку. Улыбнувшись, я вышла за невысокий забор и закрыла калитку на крючок.

Было все еще тепло, но по небу гуляли грязно-белые тучи. Соберется ли дождь — непонятно. Что скажу леснику, если вдруг встречу его? Ну, например, мы поругались. Распри между мужем и женой — вещь довольно обыденная. Хотя что я могла знать о семейной жизни? Да, пожалуй, если что, буду врать, что поссорились. Но я очень надеялась никого не встретить, чтобы ничего не объяснять.

По приблизительным подсчетам, до Минска оставалось около тридцати верст. В первый день я продвинулась не слишком-то далеко. Был соблазн выйти на тракт и взять попутный экипаж или хотя бы телегу — авось кто подвезет девушку до города. Но я все еще боялась: того, кто хотел меня убить, тех, кто мог меня искать, потому что сбежала из пансиона. Да и просто любых представителей закона, которые могли потребовать показать документы, которых у меня с собой не было. Так что я продолжала упорно шагать, даже когда стал накрапывать дождь. Только плотнее закуталась в плащ. Ничего, под деревьями каплет меньше, можно двигаться. Путешествие продолжалось уже несколько часов,

ничего не мешало мне идти бодрым шагом. К тому же за эти несколько дней я отдохнула и набралась сил.

Я думала о маме. Если она здесь, если была жива все эти годы, почему ни разу не дала о себе знать? Она сделала выбор, отказалась от части себя. Но почему ни разу мне не являлась? Глубоко внутри я всегда знала ответ на этот вопрос. Только не хотела признаваться даже самой себе.

В небе гроыхнуло, да так, что я невольно пригнулась. Ливень усилился. Пришлось спрятаться под дубом, который хотя бы немного защищал от частых крупных капель. Сколько уже пройдено? Верст десять, не меньше. Если встречу местных грибников, обязательно спрошу.

Интересно, Алексей уже заметил, что меня нет? Или не обратил внимания, что мои вещи пропали? Я потрясла головой, пытаюсь прогнать ненужные мысли. Какая разница? Все равно больше никогда этого человека не увижу. Особенно, если в Минске он проездом.

Резко начавшись, ливень почти так же внезапно и прекратился. Отряхивая с плаща капли, я осторожно выглянула из-под раскидистой кроны, сделала три шага и, поскользнувшись на мокрой траве, с криком полетела на землю. Острая боль пронзила щиколотку.

От боли я не сразу смогла дышать. Но с первым вдохом выругалась, шипя. Это все вранье, что благородные девицы не знают бранных слов — еще как знают! Но слишком хорошо воспитаны, чтобы их употреблять. В обычной жизни. А

моя сейчас вышла из обычного русла. Да не просто вышла, она буквально топила меня, как слепого котенка в мешке! Подсовывала все новые и новые испытания. Какое-то сплошное невезение.

— За что ты так со мной? — я в бессилии подняла глаза к небу, не зная, к кому конкретно обращаюсь.

Хоть сразу в гроб ложись и крышку за собой прикрывай. Но нет, я еще поборюсь!

Стиснув зубы, я поднялась. На ногу ступить было невозможно. Только бы не сломала. Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! У меня никогда не случалось переломов, поэтому не знала, с чем сравнивать, но болело адски. Кое-как допрыгала до дерева и уцепилась за шершавую кору. Это невозможно! Ко всему прочему еще и юбку с плащом в грязи изваляла. Ладно бы блузку, у меня с собой хотя бы есть смена. Но как теперь на люди в таком виде покажусь? Лесное чучело, не иначе.

За дубом, тем самым, у которого пережидала непогоду, виднелась небольшая полянка. На ней лежал старый толстый ствол, уже весь покрытый мхом. Интересно, бурей его, что ли, повалило? Как бы там ни было, рядом даже осталось кострище, которое, судя по виду, использовалось не один раз. Да толку от него сейчас: все мокрое.

Я с трудом добралась до ствола и села на мокрый мох. Некоторое время просто переводила дух. На лбу выступил пот. Воздух был тяжелым, от земли поднимались испарения.

С трудом стянула плащ — в косых лучах вечернего солнца, которые проступили через прохудившиеся тучи, стало жарко.

Внезапно на поляну выскочил заяц. Он настороженно застыл, глядя на меня, и пошевелил одним ухом. Я не хотела пугать зверя. Тихо сидела не шевелясь. Он быстро-быстро дышал и дергал носом. Несмотря на боль в ноге, я улыбнулась. Бывают же настолько милые существа...

В следующую секунду раздался грохот. Я подпрыгнула и, оглушенная, не сразу поняла, что это был выстрел. Заяц повалился на землю, несколько раз дрыгнув задними лапами, будто пытался убежать, но почти сразу замер. Дробь пробилла ему череп.

Слух медленно возвращался. Послышался треск веток под чьими-то ногами и возбужденные мужские голоса.

— Достал, точно тебе говорю! Я ж прицеливался!

— Да убежал он!

— Сейчас сам увидишь. Жаль, собаку не взяли, уже б приволокла.

— Не люблю этих брехачей, ты ж знаешь.

Через несколько секунд увидела двоих. Оба в удобной немаркой одежде, как раз для хождения по лесу. Охотники. Сначала они заметили зайца — один из мужчин издал радостный клич, подбегая к добыче. И только потом поняли, что на поляне есть еще кто-то.

Они замерли с ружьями в руках и такими выражениями

лиц, будто увидели как минимум какую-нибудь сказочную кикимору, а то и саму Бабу-ягу, а не обычную девушку. Я тоже молча взидала на них, все еще до конца не оправившись от испуга.

— День добрый, панна, — наконец спохватился один из них. Лет за пятьдесят, довольно крепкий, но невысокий, короткие волосы почти полностью скрыты под шапкой. Красное лицо, а особенно нос, выдавало в нем любителя выпить.

— День добрый, панове[1], — кивнула я.

В местах, где я выросла, было совершенно обычным слышать и польскую, и западнорусскую[2], и русскую речь, поэтому без труда говорила на всех этих языках, а также на французском, который в кругах дворянских считался обязательным. В зависимости от того, как ко мне обращались, могла сразу подстроиться под собеседника.

Второй – моложе лет на десять, очень высокий и широкий в плечах, со светлыми волосами, собранными в хвост, и рыжеватой бородой быстро отметил мою неестественно вытянутую ногу и, сощурившись, спросил:

— Панне нужна помощь?

Как бы ни хотелось признавать, но помощь действительно требовалась. Я понимала, что если сейчас откажусь, и они уйдут, то могу не встретить здесь ни одной живой души еще очень долго.

И снова пришлось врать. Уж сколько лжи исходило из моих уст за последние несколько дней! Как никогда за всю

жизнь. Что ж, теперь приходилось это делать. Мне самой это не нравилось, но с каждым разом врать получалось все легче. На ходу я сочинила легенду о том, что хотела сократить путь из деревни до тракта на Минск по лесу, да заблудилась, а потом попала под дождь, и... дальше шла уже правда.

— А вы местные? — страшась положительного ответа, поинтересовалась я. Если да, то сказать, что приезжала повидать родню, не получится.

— Да нет, — отмахнулся старший, — приехали к пану Тарновскому погостить.

Фамилия была знакомая, но я никак не могла вспомнить, откуда ее знаю. Скорее всего, какой-то помещик средней руки. Да и друзья его на крестьян не походили, скорее на мелких шляхтичей[3].

Молодой скинул с плеч сумку, подбирая зайца и рассматривая его со всех сторон, и добавил:

— Вот, поохотиться решили. — Он положил зверя обратно на землю и посмотрел на меня. — Давайте ногу посмотрю.

Я насторожилась.

— А вы врач? Пан... — сделала паузу, чтобы он мог назвать свое имя.

— Я — пан Вацлав Петраш, а это — пан Сташек Третьак.

Он понял, что я продолжаю выжидающе на него смотреть, и спохватился:

— Нет-нет, не врач, но посмотреть могу. — Сделав паузу, он добавил: — А вас как звать?

— Панна Августа. Спасибо, в таком случае не нужно. Думаю, просто потянула мышцу. Уже проходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.